

НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ: ОПЫТ НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ

В. А. Кабанов

Российский государственный гуманитарный университет

A NON-HUMAN APPROACH TO LEGAL PERSONALITY: THE CASE OF NEW ZEALAND

V. A. Kabanov

Russian State University for the Humanities

Аннотация: реконструируется генезис нечеловеческой правосубъектности в Новой Зеландии на примере признания правового статуса экосистем (Те Уревера, Те Ава Тупуа, Те Кахуи Тупуа). Данный правовой эксперимент интерпретируется как практическая реализация «нечеловеческого поворота», преодолевающего антропоцентрические парадигмы. Автор обосновывает необходимость теоретической концептуализации онтологических оснований такой правосубъектности для установления полноценной правовой коммуникации.

Ключевые слова: правосубъектность, нечеловеческий поворот, право Новой Зеландии, экосистемы, агентность, маори, Договор Вайтанги.

Abstract: the article reconstructs the genesis of non-human legal personality in New Zealand using the example of granting legal status to ecosystems (Te Urewera, Te Awa Tupua, Te Kāhui Tupua). This legal experiment is interpreted as a practical implementation of the «non-human turn», which challenges anthropocentric paradigms. The author argues for the need to theoretically conceptualise the ontological foundations of such legal personality to establish full-fledged legal communication.

Key words: legal personality, non-human turn, New Zealand law, ecosystems, agency, Māori, Treaty of Waitangi.

На данный момент в Новой Зеландии признаны субъектами права три экосистемы, а именно: Те Уревера¹, Те Ава Тупуа² и Те Кахуи Тупуа³. При этом признание порождает необходимость определить сущность новых субъектов права.

¹ См.: Te Urewera Act 2014 № 51 (as at 5 April 2025) // The New Zealand Legislation. URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/2014/0051/latest/whole.html#DLM6183700> (date of access: 01.11.2025)

² См.: Te Awa Tupua (Whanganui River Claims Settlement) Act 2017 (as at 27 August 2025) // The New Zealand Legislation. URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/2017/0007/latest/whole.html#DLM6831459> (date of access: 01.11.2025)

³ См.: Te Ture Whakaturua mō Te Kāhui Tupua 2025/ Taranaki Maunga Collective Redress Act 2025 (as at 4 June 2025) // The New Zealand Legislation. URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/2025/0001/latest/whole.html#LMS899479> (date of access: 01.11.2025)

© Кабанов В. А., 2026

Традиционно понятие субъекта права связывается с человеком: индивидуальные люди выступают как физические лица; объединения людей – как юридические (фиктивные) лица⁴. Неслучайно В. Декомб определяет проблему правосубъектности следующим образом: «...проблема в том, чтобы узнать, в каком качестве человек обладает правами и чего он может требовать исходя из этих прав»⁵.

Действительно ли в новозеландском праве были созданы правовые субъекты, не совпадающие с человеком? Или же, как указывает В. А. Курки, речь идет о создании юридических

⁴ См.: Шершеневич Г. Ф. Общая теория права // Избранное : в 6 т. / вступ. сл., сост.: П. В. Крашенинников. М., 2016. Т. 4: Общая теория права. С. 502.

⁵ Декомб В. Дополнение к субъекту. Исследование феномена действия от собственного лица. М., 2011. С. 447.

лиц⁶, правами от имени которых, распоряжаются люди?

В качестве гипотезы будет выдвинуто предположение, что признание правосубъектности экосистем привело к созданию новых субъектов права, качественно отличных от человеческих правовых субъектов. Более того, будет предпринята попытка концептуализировать указанные новации в качестве нечеловеческого поворота в праве Новой Зеландии.

Пересборка социального: нечеловеческие агенты как члены общества

Для начала необходимо определиться с общим понятием нечеловеческого поворота, принятым в современной науке. Как указывает Е. Н. Иогансон, поворот к нечеловеческому воплощает в себе «необходимость преодоления фундаментальных дуализмов, таких как человеческое – нечеловеческое, природа – культура»⁷. Указанные дихотомии более не позволяют дать ответ на актуальные для науки вопросы вследствие колоссального увеличения техногенного влияния на окружающую среду. Преодоление данных дихотомий осуществляется посредством разного инструментария.

Особое внимание при этом уделяется агентности нечеловеческого. Прекрасный пример можно обнаружить у Б. Латура, одного из «первопроходцев» нечеловеческого поворота, в описании общественного дискурса в отношении озоновых дыр. Журналистские статьи, посвященные данному явлению, включают рассмотрение различных факторов экологической политики: от непосредственно самих озоновых дыр до деятельности производителей автомобилей, от разногласий метеорологов и экологов до международных обязательств государств⁸. Как указывает Б. Латур, «в одной и той же статье смешиваются химические и политические реакции»⁹. Для описания подобного смешения французский

социолог предлагает акторно-сетевую теорию как модель объяснения взаимодействия людей и «нечеловеков». В ней люди и объекты сплетены в сети, выступая на равных в качестве ее участников (актантов), что подрывает традиционное деление на природу и общество. Эти «сети являются одновременно реальными, как природа, разворачиваемыми, как дискурс, коллективными, как общество»¹⁰. Иными словами, в них соединяются конкретные материальные носители, властные отношения и семиотическое, или знаковое, кодирование реальности.

Свою попытку осмыслить связи между человеческим и нечеловеческим предприняли представители естественнонаучного знания на пороге нового тысячелетия. В 2000 г. химиком П. Ф. Круценом и лимнологом Е. Ф. Стормером было предложено выделить Антропоцен как одну из геологических эпох, основополагающей характеристикой которой является обретение человеком практически неограниченной власти над миром¹¹. В качестве начала течения Антропоцена ими предлагается вторая половина XVIII в., а именно – изобретение Джеймсом Ваттом в 1784 г. парового двигателя: воздействие человека на природу стало носить глобальный характер, что проявляется в резком увеличении выбросов углекислого газа¹². Человеческая активность рассматривается не как внешнее, но как имманентное по отношению к окружающему миру явление. Человек как агент отличается от иных существ силой воздействия, но не метафизическим или онтологическим статусом. В дальнейшем концепция Антропоцена породила широкую трансдисциплинарную дискуссию на стыке социальных и гуманитарных наук о возможности добиться в ближайшей перспективе снижения негативных экстерналий человеческой деятельности, а в далекой перспективе и вовсе преодоления Антропоцена¹³.

Помимо решения вопросов агентности нечеловеческого и экологии нечеловеческий поворот характеризует концептуализация нечеловеческого как существующего вне зависимости от

⁶ См.: Kurki V. A. J. Why things can hold rights : Reconceptualizing the legal person // Legal personhood : Animals, artificial intelligence and the unborn / ed. by V. A. J. Kurki, T. Pietrzykowski. Springer, 2017. P. 85.

⁷ Иогансон Е. Н. (Мартин-Иогансон Э). Новый материализм : поворот к нечеловеческому и деантропологизация мира // Вестник Томского гос. ун-та. 2024. № 508. С. 115.

⁸ См.: Латур Б. Нового Времени не было : эссе по симметричной антропологии / пер. с фр. Д. Я. Калугина ; науч. ред. О. В. Хархордин. СПб., 2006. С. 59.

⁹ Там же. С. 59.

¹⁰ Там же. С. 65.

¹¹ См.: Crutzen P. J., Stoermer E. F. The Anthropocene // IGBP Newsletter. 2000. Vol. 41. P. 17.

¹² См.: Ibid. P. 18.

¹³ См.: Trischler H. The Anthropocene : a challenge for the history of science, technology, and the environment // NTM Zeitschrift für Geschichte der Wissenschaften, Technik und Medizin. 2016. Vol. 24. No. 3. P. 312.

восприятия человека. Данный тезис лежит в основе методологической платформы спекулятивного реализма. Как указывает Квентин Мейясу, получение доступа к нечеловеческой реальности возможно только посредством преодоления корреляционизма, т. е. представления, что познание осуществляется посредством обращения к корреляции между сознанием познающего субъекта и его же восприятием познаваемого объекта¹⁴. Спекулятивный реализм ставит цель показать несоответствие корреляции реальному миру, а также непознаваемость последнего привычными человеку способами. Тем самым он бросает вызов новоевропейской мысли в ее картезианском и кантианском изводах и ставит в центр не человека, но мир вне человека.

Не последней составляющей нечеловеческого поворота является интерес и обращение к особенностям мышления и практикам неноевропейских обществ. Наиболее это представлено в антропологических исследованиях мезоамериканского региона. Так, В. де Кастру отмечает отсутствие у индейцев жесткого разделения между человеческим и нечеловеческим. Иных агентов они воспринимают в качестве таких же людей, обладающих сознанием, но имеющих иную телесную оболочку¹⁵. Э. Кон, используя семиотический подход Ч. Пирса и опираясь на традиционные категории индейской культуры, предлагает признать за отличными от человека существами и живыми системами наличие коммуникации¹⁶.

Нечеловеческий поворот оказывается не единым течением и даже не оформленной парадигмой, но гетерогенным полем идей, объединенных стремлением к отказу от антропоцентризма. Контуры данного поля, как было показано выше, можно очертить, указав на обращение к экологической повестке, концептуализацию Антропоцена как новой геологической эпохи, попытки мыслить мир за пределами человеческого и пристальный интерес к социальным практикам неноевропейских обществ. Однако указанные границы не являются нерушимыми: нечеловеческий поворот, находясь в постоянном становлении, позволяет создавать

¹⁴ См.: Мейясу К. После конечности : эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург ; М., 2015. С. 11.

¹⁵ См.: Кастру де Э. В. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. М., 2017. С. 44.

¹⁶ См.: Кон Э. Как мыслят леса : к антропологии по ту сторону человека. М., 2018. С. 47.

всё новые и новые сборки постантропоцентрической мысли.

Новации в праве Новой Зеландии: географические объ-субъекты?

Новая Зеландия стала первой страной в мире, признавшей за экосистемой статус правового субъекта. Лес Те Уревера был признан субъектом права посредством принятия Парламентом Новой Зеландии 27 июля 2014 г. Закона о Те Уревера (англ. Te Urewera Act)¹⁷.

Появление нового субъекта стало результатом длительной борьбы представителей маори, коренного населения Новой Зеландии, за соблюдение новозеландским правительством Договора Вайтанги, заключенного между вождями маори и Великобританией в 1840 г. В настоящее время данный договор был закреплен в качестве Приложения 1 Закона о Договоре Вайтанги (англ. Treaty of Waitangi Act), принятого в 1975 г.¹⁸

Статья 2 Договора Вайтанги закрепляет за представителями племен «полное исключительное и неприкосновенное владение их землями и поместьями, лесами, рыбными промыслами и другой собственностью, которой они могут владеть коллективно или индивидуально до тех пор, пока они желают сохранить ее в своем владении (перевод мой. – В. К.)»¹⁹. Именно из настоящей формулировки в дальнейшем будут выводиться преобразования, связанные с признанием Те Уревера субъектом права. Предоставление лесу подобного статуса представляет собой восстановление исторической справедливости по отношению к маори, что нашло отражение в Законе о Те Уревера.

Как подчеркивает новозеландский правовед К. Джонс, принятое в 2014 г. регулирование во многом основывается на результатах слушаний Трибунала Вайтанги²⁰ по вопросу на-

¹⁷ См.: Te Urewera Act 2014 № 51 (as at 5 April 2025) // The New Zealand Legislation. URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/2014/0051/latest/whole.html#DLM6183700> (date of access: 01.11.2025)

¹⁸ См.: Treaty of Waitangi Act 1975 № 114 (as at 22 May 2025) // The New Zealand Legislation. URL: <https://legislation.govt.nz/act/public/1975/0114/latest/whole.html#DLM435834> (date of access: 01.11.2025)

¹⁹ Ibid.

²⁰ Трибунал Вайтанги в соответствии со ст. 4,5 и 6 Закона о Договоре Вайтанги наделен правом рассматривать жалобы на несоблюдение властями Новой Зеландии Договора Вайтанги и давать в связи с этим рекомендательные заключения.

рушения прав тухоэ, племени (иви) маори, являющихся коренными жителями Те Уревера²¹. В ходе процесса было установлено, что со стороны властей сперва Британской империи, а затем и Новой Зеландии были многочисленные нарушения права тухоэ владеть Те Уревера, а также проживать на ее территории как самоуправляемое сообщество.

Если обратиться непосредственно к Закону о Те Уревера, то нельзя не обратить внимание на крайне необычное описание наделяемого правами субъекта. В подп. 1 ст. 3 Закона указывается следующее: «Те Уревера – древняя и несокрушимая природная крепость, живая история. Ее пейзажи полны тайн, приключений и далекой красоты (перевод мой. – В. К.)»²². Также в ст. 3 можно обнаружить формулировки, что Те Уревера является родиной для тухоэ (подп. 5) и «придает смысл культуре, языку, обычаям и самобытности тухоэ (перевод мой. – В. К.)» (подп. 6)²³.

Закон (п. 4) устанавливает следующие цели: «укрепить и поддерживать связь между тухоэ и Те Уревера (перевод мой. – В. К.)»; «сохранить, насколько это возможно, природные особенности и красоту Те Уреверы, целостность ее естественных экологических систем и биоразнообразие, а также ее историческое и культурное наследие (перевод мой. – В. К.)»; «утвердить Те Уревера местом общественного пользования и развлечений, отдыха, обучения и духовных размышлений, а также источником вдохновения для всех (перевод мой. – В. К.)»²⁴. Указанные цели представляются весьма разнородными, поскольку соединяют в себе и поддержку прав тухоэ, и экологическую защиту, и утилитарное закрепление основ природопользования.

Толкование целевого назначения Закона вызывает некоторое затруднение в среде ученых. К. Сандерс рассматривает именно обеспечение земельных притязаний тухоэ при учете потребностей новозеландского общества в использовании Те Уревера. Как она подчеркивает, основная цель Закона – «способствовать признанию не-

справедливости по отношению к иви и, в частности, выйти из тупика, в который зашло правительство, отказавшись передать право собственности на землю и реку (перевод мой. – В. К.)»²⁵. На противоположных позициях стоит Б. Кумбс, рассматривая наделение Те Уревера правосубъектностью как часть публично-правовой стратегии по охране природы. Вводимая в 2014 г. юридическая конструкция оказывается основанием не передавать тухоэ полных прав на землю: «Правосубъектность по умолчанию определяется старыми, идеологически нагруженными представлениями об общественных правах, а не правах коренных народов, но утверждения общественных прав также насыщены культурно отличными от маорийских дискурсами о восстановлении и сохранении природы (перевод мой. – В. К.)»²⁶. К. М. Кауфман, напротив, считает, что Закон прежде всего обеспечивает признание Те Уревера субъектом права с собственными интересами, обеспечиваемыми людьми: «Закон о Те Уревера также наделил тухоэ правом вновь занять свое традиционное место в качестве опекунов или попечительниц Те Уревера (перевод мой. – В. К.)»²⁷.

В соответствии с Законом 2014 г. создается Правление. Согласно ст. 17 оно действует от имени Те Уревера и осуществляет управление для (англ. *governance for*) Те Уревера в соответствии с данным законом²⁸. Согласно ст. 21 в Правление входят 6 представителей тухоэ и 3 представителя публичной власти, назначаемых министром по охране окружающей среды (англ. *Minister of Conservation*)²⁹. Как можно заметить, амбивалентность реформы сохраняется и при решении практических вопросов, связанных с наделени-

²⁵ Sanders K. 'Beyond human ownership'? Property, power and legal personality for nature in Aotearoa New Zealand // *Journal of Environmental Law*. 2018. Vol. 30. No. 2. P. 211.

²⁶ Coombes B. Nature's rights as Indigenous rights? Misrecognition through personhood for Te Urewera // *Espace populations sociétés*. 2020. №. 2020/1-2. URL: <https://journals.openedition.org/eps/9857> (date of access: 01.11.2025)

²⁷ Kauffman C. M. Managing people for the benefit of the land : Practicing earth jurisprudence in Te Urewera, New Zealand // *ISLE : Interdisciplinary Studies in Literature and Environment*. 2020. Vol. 27. No. 3. P. 593.

²⁸ Te Urewera Act 2014 № 51 (as at 5 April 2025) // *The New Zealand Legislation*. URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/2014/0051/latest/whole.html#DLM6183700> (date of access: 01.11.2025)

²⁹ Ibid.

²¹ Jones C. Tūhoe-Crown settlement – Tūhoe Claims Settlement Act 2014; Te Urewera report of the Waitangi Tribunal // *Māori Law Review*. 2014. P. 14.

²² Te Urewera Act 2014 № 51 (as at 5 April 2025) // *The New Zealand Legislation*. URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/2014/0051/latest/whole.html#DLM6183700> (date of access: 01.11.2025)

²³ Ibid.

²⁴ Ibid.

ем Те Уревера правосубъектностью. С одной стороны, Правление действует от имени Те Уревера и в его интересах, с другой – вопросы назначения правления подчинены конкретным политическим целям, а именно – репрезентации тухоэ и обеспечению охраны природы.

Схожим образом была предоставлена правосубъектность в 2017 г. – реке Уонгануи под именем Те Ава Тупуа³⁰ и в 2025 г. – горе Таранаки с прилегающими хребтами и землями под именем Те Кахуи Тупуа³¹. Принятые законы стали результатом стремления восстановить историческую справедливость в отношении иви Уонгануи и иви Нга соответственно. Однако в этих актах фокус смещается с управления территорией на признание за новыми субъектами автономии, не сводимой к имущественным интересам маори и публичной власти.

В Законе о Те Ава Тупуа (об урегулировании претензий по реке Уонгануи) от 2017 г. вводится понятие Тупуа те Кава как неприкосновенной внутренней ценности субъекта. Согласно ст. 13 указанного закона Тупуа те Кава основано на признании Те Ава Тупуа источником физических и метафизических сил, живого существа, связанного с иви Уонгануи, неделимого целого, состоящего из множества элементов и сообществ, служащих цели благополучия Те Ава Тупуа³². При этом важные изменения происходят и в части описания органа, представляющего Те Ава Тупуа. В соответствии со ст. 18 создается Те Поу Тупуа, цель которого – «быть человеческим воплощением Те Ава Тупуа и действовать от имени Те Ава Тупуа (перевод мой. – В. К.)»³³. В ст. 15 особо подчеркивается, что Те Поу Тупуа должен обеспечивать признание и сохранение

Те Ава Тупуа как правового субъекта и Тупуа Те Кава³⁴. Иными словами, закон обеспечивает не просто экологичное использование ресурсов реки, но и сохранность экосистемы, не основанную на исключительно утилитарных целях.

Закон о коллективном возмещении ущерба горе Таранаки (Таранаки Маунга) от 2025 г. также делает акцент на автономии и внутренней ценности Те Кахуи Тупуа как субъекта права. Данная ценность, обозначенная в ст. 19 закона как Нга Поу Вакаатупуа, закрепляет за Те Кахуи Тупуа статус живого и неделимого целого, имеющего неразрывную связь с иви Нга горы Таранаки, чье здоровье имеет основополагающее значение для его элементов и жителей, источника духовного и физического благополучия, а межпоколенческую ответственность за его сохранность возлагает на иви Нга и публичную власть³⁵. Те Топуни Кокаранджи, орган, созданный для реализации положений закона, в соответствии со ст. 28 является «человеческим лицом и голосом Те Кахуи Тупуа (перевод мой. – В. К.)»³⁶. Статья 20 подчеркивает, что любые действия по управлению должны осуществляться на основе Нга Поу Вакаатупуа и признания правосубъектности Те Кахуи Тупуа³⁷.

В указанных выше примерах наделяния экосистем правосубъектностью можно выделить ряд сходных черт. Во-первых, новые субъекты являются результатом процесса по урегулированию споров между маори и Новой Зеландией, а значит, появляются на стыке различных культур. У маори заимствуется представление об агентности, «живом» характере экосистем, тогда как новозеландская правовая традиция выражает данное представление в форме правосубъектности. Во-вторых, во всех указанных случаях представительство нечеловеческих субъектов осуществляют состоящие из людей органы. В-третьих, в той или иной степени законодательно закрепляются автономия экосистем и наличие у них законно охраняемых интересов.

³⁴ Ibid.

³⁵ Te Ture Whakataupua mō Te Kāhui Tupua 2025/ Taranaki Maunga Collective Redress Act 2025 (as at 4 June 2025) // The New Zealand Legislation. URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/2025/0001/latest/whole.html#LMS899479> (date of access: 01.11.2025)

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid.

³⁰ Te Awa Tupua (Whanganui River Claims Settlement) Act 2017 (as at 27 August 2025) // The New Zealand Legislation. URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/2017/0007/latest/whole.html#DLM6831459> (date of access: 01.11.2025)

³¹ Te Ture Whakataupua mō Te Kāhui Tupua 2025/ Taranaki Maunga Collective Redress Act 2025 (as at 4 June 2025) // The New Zealand Legislation. URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/2025/0001/latest/whole.html#LMS899479> (date of access: 01.11.2025)

³² Te Awa Tupua (Whanganui River Claims Settlement) Act 2017 (as at 27 August 2025) // The New Zealand Legislation. URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/2017/0007/latest/whole.html#DLM6831459> (date of access: 01.11.2025)

³³ Ibid.

Нечеловеческий поворот в праве Новой Зеландии

Хронология наделения правосубъектностью экосистем позволяет говорить о постепенном преодолении амбивалентности в понимании их статуса. Если Закон о Те Уревера действительно смешивал разрешение конфликта между маори и Новой Зеландией, необходимость организации экологичного природопользования и признания Те Уревера автономной, живой личностью, то законы, посвященные Те Кахуи Тупуа и Те Ава Тупуа, содержат более однозначные формулировки. В них признается агентность экосистем, являющаяся истоком жизни и духовных сил их обитателей, а также следующая из указанной агентности правосубъектность.

Решение, предпринятое в правовом порядке Новой Зеландии, вследствие этого является полноценным проявлением нечеловеческого поворота в праве. Как отмечалось ранее, нечеловеческий поворот определяется не через генеалогическую преемственность идей или через признание конечного набора тезисов, а посредством ряда родовых черт. Указанные черты ярко проявлены в новозеландском подходе: правосубъектность экосистем основывается на признании их агентности, отказе от антропоцентризма, обращении к экологической повестке и традиционной культуре маори.

Более того, нечеловеческая правосубъектность оказывается идущей в авангарде нечеловеческого поворота, поскольку включает экосистемы в сеть социальной, а именно правовой коммуникации в качестве равных участников. Как отмечает В. В. Денисенко, современное право основывается на коммуникативном, а не целерациональном действии, т. е. предполагает невозможность полного, автоматического контроля над своими субъектами³⁸. Право всегда должно опираться на культуру, язык, разделяемые соответствующими субъектами, и учитывать сложные цепочки реакций, обратных связей, которые от них поступают. В связи с этим право требует не просто учесть агентность экосистем при реализации правовых норм, но добиться коммуникации с нечеловеческими агентами.

Но как «договориться» с лесом, рекой или горой? И надо ли на самом деле с ними «договариваться» как с автономными субъектами?

³⁸ Денисенко В. В. Легитимность права : теоретико-правовое исследование : монография. М., 2022. С. 41–42.

Нечеловеческий поворот произошел в праве Новой Зеландии в рамках законодательства, а не юридической теории. Поэтому ответы на указанные выше вопросы можно получить, лишь дополнительно теоретически осмыслив произошедшие в новозеландском праве новации и локализовав их в качестве части «общего» нечеловеческого поворота. Концептуализация нечеловеческой правосубъектности вследствие этого приобретет не легалистское, но онтологическое обоснование, ключевой характеристикой которого будет являться признание имманентных предпосылок правосубъектности экосистем.

Упомянутые ранее идеи Э. Кона об использовании семиотического инструментария при описании устройства биологических систем являются прямым подспорьем для понимания нечеловеческой правовой коммуникации. Хотя символическое выражение, основанное на конвенциональном соотношении знака и его содержания, присуще исключительно человеческой культуре, знаковая реальность существует и за ее пределами. Помимо символов существуют «знаки-иконы, обладающие сходством с обозначаемыми объектами», и «знаки-индексы, находящиеся в некоем отношении корреляции с обозначаемыми объектами»³⁹. Иконические знаки позволяют выявлять подобие между различными объектами, в том числе отличать сородичей или находить необходимые сходства при поиске источников воды или пищи. Индексальные же знаки связывают различные объекты во времени и пространстве. Звуки, запахи, всевозможные вибрации – все они позволяют обнаружить. Можно только солидаризироваться со следующими словами Э. Кона: «Жизнь по своей природе семиотична»⁴⁰.

Тем самым обнаруживается возможность для совершенствования правовой коммуникации между людьми и экосистемами. Ее основанием может стать биосемиотика – «междисциплинарная область теоретических и эмпирических исследований, анализирующая живые системы как знаковые»⁴¹. Понимание иконичности и индексальности, пронизывающих экосистемы, позволит праву переводить с нечеловеческих

³⁹ Кон Э. Указ. соч. С. 37.

⁴⁰ Там же. С. 38.

⁴¹ Бушев С. А. Концепция Umwelt Якоба фон Икскулья и формирование биосемиотики // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. 2008. № 2. С. 82.

форм общения на человеческий язык, выявляя возможные юридические интересы экосистем по сохранению своей автономности и внутренней целостности.

Однако это не решает вопроса о наличии или отсутствии автономности у экосистем. Для ответа на него следует обратиться к работам одного из спекулятивных реалистов Т. Мортон. Он знаменит своим понятием гиперобъекта: «Гиперобъект – вещь, пространственно-временной масштаб которой настолько огромен, что мы можем видеть лишь тонкие ее срезы; гиперобъекты синхронизируются и рассинхронизируются с человеческим временем; но в конечном счете они “заражают” всё подряд, если мы оказались внутри них (этот феномен я называю липкостью)»⁴². Данная характеристика вполне подходит для экосистем. Последние включают множество объектов и сообществ, что нашло отражение в новозеландских законах. Эти объекты, сообщества, популяции связаны огромным количеством связей и сетей. Эти неисчислимы иконические и индексальные отношения, составляющие «плоть» экосистемы, приводят к тому, что на онтологическом уровне экосистема оказывается гиперобъектом. К ней нельзя относиться исключительно как к средству для человеческих целей: отказ вступить в равную правовую коммуникацию обернется экологической катастрофой.

Таким образом, новации в новозеландском праве играют роль не окончательного момента, а пролегомены в процессе предоставления экосистемам правосубъектности. Требуется не только законодательное закрепление, но и концептуализация подобной правосубъектности в рамках правовой науки. Необходимо осмыслить онтологические предпосылки правосубъектности экосистем и особенности их включения в правовую коммуникацию с опорой на современную социальную мысль, в том числе теории Э. Кона и Т. Мортон.

Изменения в новозеландском законодательстве в отношении правового статуса экосистем действительно привели к созданию новых правовых субъектов, не совпадающих с человеком. Если Закон о Те Уревера в значительной степени сохранял антропоцентристскую направленность, то законы о Те Кахуи Тупуа и Те Ава Тупуа знаменуют переход от утилитарного управления

к установлению правовой коммуникации с экосистемой как с равным участником.

Правовые новации Новой Зеландии, признавшие за экосистемами статус правового субъекта, представляют собой не отдельные законодательные изменения, но свидетельствуют о начале нечеловеческого поворота в новозеландском праве. Подобно «общему» нечеловеческому повороту он характеризуется повышенным вниманием к экологии, признанием нечеловеческой агентности, интересом к традиционным доевропейским культурам, попыткой отказа от антропоцентризма.

Однако нечеловеческий поворот в праве произошёл прежде всего на уровне законодательства, что не является достаточным. Для концептуализации указанных новаций юриспруденции требуется обратиться к теоретическим работам, существующим в рамках нечеловеческого поворота. На основе данных идей, в том числе представлений Э. Кона и Т. Мортон, должна быть осуществлена глубокая теоретическая проработка оснований правосубъектности экосистем и ее значения для правовой коммуникации. Только при таких условиях нечеловеческий поворот в праве сможет приобрести не только легалистское, но и онтологическое измерение.

Библиографический список

- Бушев С. А. Концепция Umwelt Якоба фон Икскулля и формирование биосемиотики // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. 2008. № 2. С. 82–87.
- Денисенко В. В. Легитимность права : теоретико-правовое исследование : монография. М., 2022. 240 с.
- Декомб В. Дополнение к субъекту. Исследование феномена действия от собственного лица. М., 2011. 576 с.
- Иогансон Е. Н. (Мартин-Иогансон Э). Новый материализм : поворот к нечеловеческому и деантропологизация мира // Вестник Томского гос. ун-та. 2024. № 508. С. 114–120.
- Кастру де Э. В. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. М., 2017. 199 с.
- Кон Э. Как мыслят леса : к антропологии по ту сторону человека. М., 2018. 344 с.
- Латур Б. Нового Времени не было : эссе по симметричной антропологии / пер. с фр. Д. Я. Калугина ; науч. ред. О. В. Хархордин. СПб., 2006. 240 с.
- Мейясу К. После конечности : эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург ; М., 2015. 196 с.

⁴² Мортон Т. Стань экологичным. М., 2019. С. 132.

- Morton T.* Статья экологичным. М., 2019. 238 с.
- Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права // Избранное : в 6 т. / вступ. сл., сост.: П. В. Крашенинников. М., 2016. Т. 4: Общая теория права. С. 8–696.
- Coombes B.* Nature's rights as Indigenous rights? Mis/recognition through personhood for Te Urewera // Espace populations sociétés. 2020. №. 2020/1-2. URL: <https://journals.openedition.org/eps/9857>
- Crutzen P. J., Stoermer E. F.* The Anthropocene // IGBP Newsletter. 2000. Vol. 41. P. 17–18.
- Jones C.* Tūhoe-Crown settlement – Tūhoe Claims Settlement Act 2014; Te Urewera report of the Waitangi Tribunal // Māori Law Review. 2014. P. 13–19.
- Kauffman C. M.* Managing people for the benefit of the land : Practicing earth jurisprudence in Te Urewera, New Zealand // ISLE : Interdisciplinary Studies in Literature and Environment. 2020. Vol. 27. No. 3. P. 578–595.
- Kurki V. A. J.* Why things can hold rights : Reconceptualizing the legal person // Legal personhood : Animals, artificial intelligence and the unborn / ed. by V. A. J. Kurki, T. Pietrzykowski. Springer, 2017. P. 69–89.
- Sanders K.* 'Beyond human ownership'? Property, power and legal personality for nature in Aotearoa New Zealand // Journal of Environmental Law. 2018. Vol. 30. No. 2. P. 207–234.
- Trischler H.* The Anthropocene : a challenge for the history of science, technology, and the environment // NTM Zeitschrift für Geschichte der Wissenschaften, Technik und Medizin. 2016. Vol. 24. No. 3. P. 309–335.
- tion of the world // Tomsk State University Journal. 2024. No. 508. P. 114–120.*
- Castro de E. V.* Cannibal metaphysics. Frontiers of post-structural anthropology. Moscow, 2017. 199 p.
- Kohn E.* How forests think : towards an anthropology beyond the human. Moscow, 2018. 344 p.
- Latour B.* We have never been modern : essays in symmetrical anthropology / transl. from Fr. D. Ya. Kalugin ; sci. ed. O. V. Kharkhordin. Saint Petersburg, 2006. 240 p.
- Meillassoux Q.* After finitude : an essay on the necessity of contingency. Yekaterinburg ; Moscow, 2015. 196 p.
- Morton T.* Being ecological. Moscow, 2019. 238 p.
- Shershenevich G. F.* General theory of law // Selected works : in 6 vols. Vol. 4: General theory of law / Intro. article, comp.: P. V. Krasheninnikov. Moscow, 2016. P. 8–696.
- Coombes B.* Nature's rights as Indigenous rights? Mis/recognition through personhood for Te Urewera // Espace populations sociétés. 2020. №. 2020/1-2. URL: <https://journals.openedition.org/eps/9857>
- Crutzen P. J., Stoermer E. F.* The Anthropocene // IGBP Newsletter. 2000. Vol. 41. P. 17–18.
- Jones C.* Tūhoe-Crown settlement – Tūhoe Claims Settlement Act 2014; Te Urewera report of the Waitangi Tribunal // Māori Law Review. 2014. P. 13–19.
- Kauffman C. M.* Managing people for the benefit of the land : Practicing earth jurisprudence in Te Urewera, New Zealand // ISLE : Interdisciplinary Studies in Literature and Environment. 2020. Vol. 27. No. 3. P. 578–595.
- Kurki V. A. J.* Why things can hold rights : Reconceptualizing the legal person // Legal personhood : Animals, artificial intelligence and the unborn / ed. by V. A. J. Kurki, T. Pietrzykowski. Springer, 2017. P. 69–89.
- Sanders K.* 'Beyond human ownership'? Property, power and legal personality for nature in Aotearoa New Zealand // Journal of Environmental Law. 2018. Vol. 30. No. 2. P. 207–234.
- Trischler H.* The Anthropocene : a challenge for the history of science, technology, and the environment // NTM Zeitschrift für Geschichte der Wissenschaften, Technik und Medizin. 2016. Vol. 24. No. 3. P. 309–335.

References

- Bushev S. A.* The concept of Umwelt by Jakob von Uexküll and the formation of biosemiotics // Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy. 2008. No. 2. P. 82–87.
- Denisenko V. V.* Legitimacy of law. Theoretical and legal research. Monograph. Moscow, 2022. 240 p.
- Descombes V.* The supplement of the subject. Research on the phenomenon of acting on one's own behalf. Moscow, 2011. 576 p.
- Ioganson E. N. (Martin-Ioganson E.).* New materialism : the non-human turn and de-anthropologiza-

- Kurki V. A. J.* Why things can hold rights : Reconceptualizing the legal person // Legal personhood : Animals, artificial intelligence and the unborn / ed. by V. A. J. Kurki, T. Pietrzykowski. Springer, 2017. P. 69–89.
- Sanders K.* 'Beyond human ownership'? Property, power and legal personality for nature in Aotearoa New Zealand // Journal of Environmental Law. 2018. Vol. 30. No. 2. P. 207–234.
- Trischler H.* The Anthropocene : a challenge for the history of science, technology, and the environment // NTM Zeitschrift für Geschichte der Wissenschaften, Technik und Medizin. 2016. Vol. 24. No. 3. P. 309–335.

Российский государственный гуманитарный университет
Кабанов В. А., аспирант кафедры истории и теории государства права
E-mail: sevakabanov2020@gmail.com

Russian State University for the Humanities
Kabanov V. A., Post-graduate Student of the Department of the History and Theory of State and Law
E-mail: sevakabanov2020@gmail.com

Поступила в редакцию: 20.11.2025

Received: 20.11.2025

Для цитирования:

Кабанов В. А. Нечеловеческий подход к правосубъектности: опыт Новой Зеландии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2026. № 1 (64). С. 57–65. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/1/57-65>

For citation:

Kabanov V. A. A Non-human approach to legal personality: the case of New Zealand // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2026. No. 1 (64). P. 57–65. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2026/1/57-65>